

А.А. Эксархопуло

УЧЕНИЕ О ПРЕДМЕРЕ КРИМИНАЛИСТИКИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ДЛЯ ПОСТАНОВКИ ЕЕ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧ

Статья посвящена проблемным вопросам развития учения о предмете криминалистики. Автором дается анализ современного состояния и перспектив разработки данного учения в свете его практической целесообразности.

Ключевые слова: криминалистика; предмет познания криминалистики.

Среди науковедческих проблем криминалистики одной из наиболее обсуждаемых на всех уровнях научных исследований по-прежнему остается проблема ее предмета. Едва ли найдется еще какая-либо иная отрасль знания, кроме криминалистики, где с таким азартом, а порой и ожесточением велись бы дискуссии на эту тему. С момента зарождения и на протяжении всей истории своего развития вплоть до наших дней дискуссии о предмете криминалистики постоянно сопровождались выяснением вопроса о том, что изучает или что должна изучать криминалистика. Диапазон мнений на этот счет оказался настолько широк, что, пожалуй, наиболее адекватным стало лаконичное замечание А.М. Ларина: «Криминалистика – это то, чем занимаются криминалисты». Он же и пояснил, чем все же занимаются криминалисты, иронично заметив: «Легче ответить, чем они не занимаются» [9, с. 23]. Сегодня эти высказывания ученого находят свое подтверждение в идеях расширения предметной области криминалистического познания, вплоть до создания «криминалистик» защиты и обвинения, «составительской» криминалистики, предложения включения в предметную область криминалистической науки сферы гражданско-правового и административного

регулируемого, других сфер правоприменения. И не только правоприменения. Создается впечатление, что нет предела для «совершенствования» учения о предмете науки криминалистики, которой, по мнению многих ученых, становится откровенно «тесно» в традиционных рамках познаваемых явлений, связанных с преступлением и познавательной деятельностью по выяснению его обстоятельств. Неужели и в самом деле эти явления вполне освоены и познаны? Или уже не представляют того интереса для развития криминалистического знания, каковыми они были тогда, когда зарождалась наука под названием криминалистика?

Научные увлечения отдельных ученых, возникающие в силу разных причин, могут, разумеется, простираться за пределы сугубо криминальной сферы, но это, надо полагать, еще не повод к расширению предметной области науки криминалистики. Их нельзя возводить в ранг представлений о том, что должна познавать криминалистическая наука. Предмет науки – это не субъективно воспринимаемые явления, не выбор ученых, а та реальность, для познания которой создается всякая наука. Если и дальше

отождествлять предмет познания науки с познавательными предпочтениями ученых, то в идеях расширения предмета криминалистики можно выйти за пределы разумного. Это, вероятно, и про нас, неутомимых в своем полемическом задоре, который в немалой степени проявляется при обсуждении предмета криминалистики, было сказано четыре с лишним сотни лет назад: «Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает» [6, с. 22].

Для познания предмета конкретной науки действительно могут потребоваться исследования отдельных явлений, относящихся к иным некриминалистическим областям и практики, и теории. Трудно себе представить разработку, например, новых технико-криминалистических средств и методов без изучения современного состояния новейших научно-технических достижений в самых разнообразных областях научно-технического творчества. Но если кому-либо придет в голову включить собственно научно-техническую сферу в предмет криминалистики, доверив ее криминалистам только потому, что эта сфера привлекла внимание ученых данной специализации, то тогда на поприще научно-технических нововведений как сферы технического и технологического (в собственном смысле слова) прогресса начнется самая настоящая разруха, о которой говорил известный литературный персонаж. Артур Шопенгауэр еще в XIX в. заметил: «... науки достигли такого широкого объема, что тот, кто хотел бы в них что-нибудь сделать, должен заниматься только вполне специальной отраслью, не заботясь обо всех прочих. Тогда он по своей специальности хотя и будет стоять выше профана, но во всем остальном будет таким же профаном» [13, с. 711–712].

Впрочем, если по тому же принципу будут действовать физики, химики, биологи, инженеры и прочие специалисты, настаивая на включении уголовно-про-

цессуальной деятельности в предметы своих наук, и только потому, что сфера борьбы с преступностью может стать интересной для внедрения результатов их естественно-технических разработок, то тогда и от самой криминалистики, как науки, останутся одни воспоминания. Известно, что физико-химические методы являются наиболее эффективными средствами и методами технико-криминалистического исследования документов, следов выстрела и взрывчатых веществ, не говоря уже о методах криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий. Но от этого предметная область естественных и технических наук, из которых эти методы были заимствованы криминалистикой, не распространилась на уголовное судопроизводство. А сами естественные и технические науки не претендуют на вторжение в криминалистическую сферу. Взаимопроникновение наук нельзя путать с взаимопоглощением. Процессы дифференциации как тенденция развития современного научного знания объективны, но при этом всегда сопровождались и процессами интеграции.

Помимо интереса ученых, выходящего за рамки традиционно познаваемых явлений, был высказан и еще один аргумент в пользу идеи расширения предметной области криминалистики – это потребность в криминалистических разработках, которую испытывает правоприменительная практика в целом, и которая может быть удовлетворена только криминалистикой, разрабатывающей соответствующие методы и средства. Привлечение криминалистических средств в цивилистическую, административно-правовую, банковскую и т.д. сферы деятельности, как полагают авторы идеи, должно способствовать совершенствованию соответствующей правоприменительной практики. Кто бы спорил. О взаимопроникновении научных достижений как условия прогресса научного знания хорошо известно.

И о пользе от такого заимствования тоже. Если обособление отдельных предметов дает основание для классификации наук, выделения их в самостоятельные отрасли знания, то взаимопроникновение достижений разных наук ведет не только к более эффективному решению собственных проблем конкретной науки, но и к появлению пограничных наук. Тех же биохимии, математической физики, юридической психологии и других. Так почему бы при тех же аргументах не начать создавать ту же криминалистическую цивилистику в рамках, например, «прикладной криминалистики», не вторгаясь в предметную область познания сформировавшейся науки? О таком решении вопроса с совершенствованием правоприменительной практики, как о варианте, я писал еще в 2004 г. [15; с. 49–54]. Откликов, однако, не последовало, зато идеи расширения предмета традиционной криминалистики продолжают поступать с неизменным постоянством при прежней малоубедительной аргументации. Вопрос ведь на самом деле не в факте востребованности криминалистических рекомендаций и не в пользе от него, а в том, можно ли, руководствуясь только существованием некоей потребности в применении криминалистических средств, приемов и методов, настаивать на расширении предмета той науки, данные которой могут оказаться полезными в иных сферах человеческой деятельности. Если руководствоваться такими соображениями, то к предмету криминалистики следует добавить все жизненные ситуации и проблемы, для разрешения которых могут оказаться полезными криминалистические рекомендации, и требовать на этом основании расширения ее предметной области. По этой логике можно, например, создать раздел под названием «семейная криминалистика», где разрабатывались бы методы разоблачения супружеской неверности или технические средства и тактические приемы поиска

спрятанной мужем «зачапки» и т.д. Между прочим, криминалистические знания не только востребованы, но и широко используются для более изощренного, «более эффективного» совершения и сокрытия преступлений. Чем не предмет для «криминальной криминалистики»? Таким «нововведением» вполне можно было бы порадовать сторонников «составительской криминалистики».

Как видим, довести идею до абсурда не составляет труда, логика здесь вполне соответствует самой идее, в основе которой лишь один аргумент – предмет криминалистики должен охватывать все те сферы юридической (и не только юридической) практики, где могут найти применение ее рекомендации.

Рассуждая о предмете науки, криминалисты и в прошлом, и сейчас стремились доказать, что криминалистика имеет право на самостоятельное существование. Для этого достаточно было убедить всех сомневающихся, что предмет криминалистики обособлен и отличен от предмета познания смежных наук. Логика вполне понятна и не вызывает никаких возражений. Но много ли сегодня найдется тех, кто готов подвергнуть сомнению самостоятельность криминалистической науки? И, тем не менее, с упорством, заслуживающим порой лучшего применения, мы продолжаем спорить о том, что относится, а что нет к данному предмету, часто не обращая внимания на различия между предметом и определением предмета криминалистики, между предметом познания в науке и предметом научных исследований, между предметом науки и ее содержанием, между наукой, изучающей закономерности, и теорией, оперирующей законами. Увлекаясь собственным восприятием обсуждаемых аспектов темы, мы часто не замечаем, что разговариваем со своими оппонентами на разных языках.

В связи с этим возникает еще одна проблема в исследовании предмета кри-

миналистки. Это большое разнообразие предлагаемых авторами для включения в его определение терминов, категорий и понятий, высказанных с тем, чтобы дать наиболее адекватное, по убеждению авторов, представление об особенностях, отдельных сторонах, признаках, аспектах, наконец, о самих познаваемых криминалистикой объектах. Нет необходимости их перечислять. Но не следует и забывать, что дискредитация науки, ее искажение начинается, как известно, там, где «... уделяют внимание главным образом словам, а не самому делу...» [5, с. 105]. Это сказано одним из основоположников философии науки – Френсисом Бэконом в XVI в. Он же напомнил слова апостола Павла, который предупреждал: «Избегай невежественной новизны в словах и споров псевдонауки» [5, с. 106].

Важно, однако, не терминологическое разнообразие, граничащее с терминологическими излишествами, а то, что нет таких терминов, которыми можно было бы охватить все признаки и свойства изучаемых не только криминалистикой, но и любой наукой явлений. Вряд ли возможно прийти к пониманию сущности познаваемого предмета криминалистики во всем его многообразии, даже если нам удастся убедить всех без исключения ученых в том, что для определения науки «закономерности» предпочтительнее экзотических «парадоксов», название технология лучше методики, а упоминание информации и информационных процессов точнее раскрывает предмет криминалистики, нежели «доказательства» и доказывание. Для осознания реальности, именуемой предметом криминалистики, вероятно, не это главное. Наука сохраняет свое предназначение как средство познания лишь до тех пор, пока остаются непознанными те аспекты (стороны, признаки, свойства и проч.) реальности (предмета познания), ради изучения которых наука в свое время и создавалась. И уже только по этой простой причине

невозможно дать их терминологически точный и исчерпывающий перечень. Прошло почти пять веков, а сказанное Френсисом Бэконом о науке и ее предмете и сегодня сохраняет свою актуальность: наука «многообразна по своему виду и облику, ибо предмет науки бесконечно многообразен» [6, с. 293]. Но, несмотря ни на что, мы продолжаем искать универсальное определение предмета криминалистики, путая многочисленные свойства, признаки, аспекты познаваемых явлений, составляющих предмет криминалистики, с наиболее существенными из них, которые, по нашему субъективному восприятию, заслуживают быть включенными в его определение. Не понимая, что попытки дать самое лучшее, максимально полное или, что еще хуже, – исчерпывающее определение предмета криминалистики так же бесплодны, как и стремление «объять необъятное».

Поэтому не многообразие предмета криминалистики, а только самое существенное в предмете можно раскрыть с достаточной полнотой, предлагая свои формулировки определения предмета науки, причем с учетом актуальных именно сегодня ее задач. Сама же предметная область познания криминалистики и ее границы были определены еще в конце XIX столетия и с тех пор не менялись. Менялись, становясь более глубокими и разносторонними, наши знания о предмете криминалистики и о том существенном в предмете, что нуждается в изучении и познании в данный, конкретный исторический период времени. Чтобы тема предмета криминалистики имела новые перспективы для разработки на науковедческом уровне, ее нельзя ограничивать пространными рассуждениями и спорами о том, что следует включать, а что нет в определение предмета науки. Только в более глубоком познании самого предмета, а не в его расширении, и тем более не в бесконечных спорах о формулировках можно увидеть перспективу для научной

разработки данного криминалистического учения сегодня. Но это возможно лишь при условии, если результаты науковедческих исследований будут ориентированы на постановку и решение наиболее важных задач науки, призванной содействовать эффективной борьбе с преступностью. Ибо «...вопрос об определении предмета той или иной области знания приобретает не только теоретическое, но и важное практическое значение, так как от четкого понимания предмета науки во многом зависит постановка основных задач ее развития» [10, с. 127]. Задач, вытекающих из современных представлений о тех сторонах действительности, изучение которых отличается актуальностью именно в данный исторический момент и полезно для совершенствования практики. Для криминалистики эти задачи лежат в сфере создания наиболее эффективных средств познания истины в уголовном судопроизводстве. Иными словами, усилия ученых будут продуктивны, если их направить на поиски практического смысла в разработке учения о предмете криминалистической науки. Изучение предмета науки должно быть обусловлено потребностями «обслуживаемой» криминалистической сферой деятельности. Любая криминалистическая теория беспредметна, если, с одной стороны, не основывается на практическом опыте, с другой стороны, в своих выводах не дает ничего полезного для практики. «Все идеи, – писал Ф. Энгельс, – извлечены из опыта, они – отражения действительности, верные или искаженные» [14, с. 317]. Практика, следовательно – это необходимая база для выдвижения продуктивных научных идей. Впрочем, и сама наука, и ее теория должны иметь практический «выход». О ненужности и бесполезности в науке того, «чему не хватает либо истинности, либо практической целесообразности», Ф. Бэкон говорил еще в XVI в. [5, с. 104].

Даже поверхностное ознакомление с историей развития учения о предмете

криминалистики подтверждает мысль о том, что на каждом этапе своего исторического развития новые определения криминалистической науки становились ответом на запросы практики. В каждом новом определении предмета криминалистики находил отражение не весь спектр познаваемых криминалистикой явлений, а только наиболее существенные их аспекты, определяющие направления актуальных научных исследований в данный, конкретный исторический момент. И хотя представления о предмете науки формировались главным образом на основе уже познанного ею, криминалистические знания, тем не менее, оказывались не только результатом достижений криминалистики, но и ориентиром для дальнейших научных исследований. Проще говоря, осознание предмета науки способствовало решению практических задач, стоящих перед ней в тот или иной исторический период. Так, в определении предмета криминалистики, предложенном С.Н. Трегубовым в 1915 г., акцент делался на необходимости изучения «наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных наук и технических знаний к исследованию преступлений и установлению личности преступника» [12, с. 14]. В направлении творческого приспособления данных этих наук в основном и развивалась криминалистика в начальный период своей истории. Приспособление воспринималось как наиболее существенное в ее предмете. Дальнейшие изменения объема знаний о существенных аспектах познаваемых явлений привели к изменению и самого определения предмета криминалистики. В нем стали отражать не только текущие задачи науки, но и новые тенденции в научных исследованиях. И если в начале века они связывались с представлениями о криминалистике как о технической прикладной научной дисциплине, то уже к середине XX в. определились новые приоритетные направления научных

исследований. Стало возможным предложить для практического использования более разнообразный арсенал криминалистических средств, приемов и методов. Создаваемые криминалистикой новые приемы и методы уже не «вписывались» в сформировавшееся ранее представление о них как о средствах, имеющих исключительно естественно-техническую природу. Многие гуманитарные и общественные науки становятся источником для их разработки. В результате начинают формироваться три самостоятельных раздела криминалистики: техника, тактика и методика расследования отдельных видов преступлений. Уже с выходом в свет первых учебников по криминалистике (1935; 1938 гг.) эта тенденция находит свое выражение и в формулируемых определениях ее предмета, и в изложенных авторами взглядах на сущность криминалистической науки. К началу 50-х гг. в целом сформировалось определение криминалистики как науки о технических средствах, тактических приемах и методах собирания и исследования доказательств, ставшее традиционным [8, с. 4]. Новым в этом определении стало и указание на предупреждение преступлений как на сферу «интересов» криминалистической науки, призванной изыскивать соответствующие средства и способы. Правда, «преступление» как объект криминалистического познания из определения предмета криминалистики исчезло, вероятно, по идеологическим соображениям. Ибо при социализме, как это постоянно подчеркивалось его идеологами, не существует «социальных корней преступности».

Вплоть до 60-х гг. XX столетия концентрация внимания на познавательных средствах определяла выбор основных направлений криминалистических научных исследований. Ни механизм, ни способы совершения преступления, ни преступные навыки, ни обычаи и средства общения преступников, ни язык

криминального мира, ни личность преступника не изучались криминалистикой с должным вниманием. Все эти тенденции, проявившиеся в научных исследованиях, отразились и на формулировках определения предмета криминалистики того времени.

Между тем прогрессивное развитие криминалистической науки требовало и далее постоянного осмысления возникающих и решаемых ею задач. Соответственно прогрессу знаний должны были меняться и представления о том существенном в предмете криминалистики, которому в научных исследованиях следовало отдавать приоритет. К середине 60-х гг. XX в. на первый план выходит задача более глубокого познания действующих в сфере изучаемых ею явлений закономерностей. Нельзя сказать, чтобы эти закономерности криминалистов не интересовали ранее. Все прекрасно понимали бессмысленность попыток (если вообще возможность) познать явления, не имея представления об их взаимосвязях. К такому изучению призвана любая наука, ибо «объективные явления и закономерные связи между ними разной степени глубины – как утверждают философы, – подлинный предмет научного познания» [11, с. 47].

Без уяснения таковых они останутся лишь случайными явлениями. Еще Аристотель отметил, что «... не существует науки о случайном бытии... всякая наука имеет своим предметом или то, что есть всегда, или то, что бывает в большинстве случаев. В самом деле, как иначе человек будет учиться или учить другого? То, чем он занимается, должно быть определено как постоянное или как преобладающее... А то, что лежит вне этих рамок... то, что бывает случайно, выходит из этих рамок... науки о нем нет» [1, с. 160].

О закономерностях изучаемой действительности как о существенном в предмете криминалистики первым поставил вопрос Р.С. Белкин. В новом своем

определении, при сохранении традиционных взглядов на предмет познания автор отразил новые аспекты, стороны изучаемых криминалистикой явлений – их закономерности. Причем не только закономерности деятельности, направленной на познание события преступления, но и закономерности самого преступления [2, с. 54; 3, с. 112; 4, с. 7]. Тем самым Р.С.Белкин вернул нас к тому пониманию круга изучаемых криминалистикой явлений, который был обозначен еще Гансом Гроссом более 100 лет назад и включал специфические стороны, аспекты как самих преступных деяний, так и способы их распознавания. Новое определение предмета криминалистики, предложенное Р.С.Белкиным, стало отражением начавшейся с 60-х гг. XX в. активной разработки криминалистических теорий и учений о способах совершения преступления, о личности преступника, о криминалистической характеристике и классификации преступлений и т.д. В нем нашли выражение и актуальные задачи науки: дальнейшая разработка специальных средств и методов, основанная на результатах познания закономерностей, имеющих место в механизме преступления и в познавательной деятельности участников уголовного процесса, направленной на установление истины по делу. Эти стороны предмета криминалистического познания и сегодня сохраняют свою актуальность для разработки.

Осознание того, что без выявления закономерных связей между познаваемыми явлениями невозможно в полной мере проникнуть в их сущность, становится необходимой предпосылкой для постановки перед криминалистикой новых задач. В учении о предмете криминалистики, надо полагать, и сегодня есть для этого резерв.

Все мы хорошо знаем, что начиная с 90-х гг. прошлого века отечественная правоохранительная практика стала приобретать новые, ранее не известные ей

в таких масштабах, как сегодня, черты, препятствующие эффективному внедрению и использованию криминалистических разработок в практике. Во всяком случае, те черты, о которых многие говорят как о реальной угрозе безопасности страны. Самыми заметными и существенными, но в то же время и наименее исследованными криминалистикой, стали явления коррупции в правоохранительной и судебной системе, прежде всего в сфере борьбы с преступностью. Здесь, видимо, недостаточно создавать даже самые эффективные методики расследования должностных преступлений, совершаемых сотрудниками полиции всех уровней, следователями, прокурорами или судьями. Многие из этих должностных лиц оказались в силу своего служебного положения просто неуязвимы и поэтому недосыгаемы для уголовного преследования. Безнаказанность порождает произвол. Причины разные, в том числе установленный законодательством иммунитет для значительной части должностных лиц, наделенных властными полномочиями и призванных вершить правосудие от имени государства. Корпоративная солидарность, «высокое» покровительство, «руководящие указания», «телефонное право», соблазн быстрого обогащения при минимальных «трудозатратах» и прочие «реальности» отечественной практики борьбы с преступностью дают, в конечном счете, основания для экономической, политической и «корпоративной» коррупции в системе правоохраны и отправления правосудия. Нужны, очевидно, новые подходы к решению проблемы, в том числе с позиций криминалистики. Традиционные явно недостаточны. Так, любая разработанная в криминалистике и подтвердившая свою эффективность методика расследования, например взяточничества, в новых российских условиях неизбежно будет «работать» избирательно. Важно, наряду с традиционными мерами, думать о соз-

дании условий, при которых взяточник, коррупционер будут знать о неизбежном разоблачении и привлечении к ответственности. Или, по крайней мере, не смогут так легко, как сейчас, пользоваться несправедливо полученными средствами или безнаказанно демонстрировать свое благосостояние.

Для должностных лиц полиции, следствия, прокуратуры и суда, описанием злоупотреблений которых переполнены средства массовой информации, нелишне было бы ввести презумпцию виновности в делах о совершаемых ими преступлениях против правосудия. Во всяком случае, по сравнению с теми, кого полиция задерживает, применяя незаконные методы воздействия, а следователи с пристрастием допрашивают, им легче обеспечить себе алиби от любых голословных обвинений в злоупотреблениях служебным положением и тем самым доказать свою невиновность. Например, если все свои действия фиксировать с помощью современных технических средств, обеспечивающих наглядность, полноту и адекватность их последующего восприятия. И тогда полицейские, честно и профессионально исполняющие свой долг, первыми возьмут в руки видеокамеры, чтобы «объективизировать» свою работу. При наличии наглядного подтверждения правомерности предпринятых полицией или следователями действий мало у кого из «жертв полицейского произвола» появится желание предъявлять им претензии и обвинять в применении насилия к «подопечным», которого в реальности не было. Наказание за заведомо ложный донос также следует сделать неотвратимым.

В учении о предмете криминалистики должно быть место для исследования и этой проблемы. В той его части, на основе познания которой можно по-новому строить профилактическую работу и разрабатывать криминалистические способы воспрепятствования коррупции и злоупотреблений в правоохранительной

сфере, равно как помогающие их разоблачению.

Одним из направлений таких исследований могло бы стать изучение не только самой деятельности правоохранительных, в том числе судебных, органов, но и механизмов (закономерностей) возникновения информации об этой деятельности. Как любое преступление отображается в самых разнообразных «следах» (в широком смысле слова), так и процедура его познания закономерно отображается в материалах уголовных дел и в сознании участников уголовного процесса. В тех же протоколах следственных и судебных действий, в материалах видео-, звукозаписи, фиксирующих ход и результаты процессуальных действий, в памяти участников судопроизводства и т.д. В результате возникает информация о тех мерах, которые предпринимались субъектами судебного исследования для достижения своих профессиональных целей (или криминальных намерений их коррумпированными представителями). Поэтому материалы уголовного дела, характеризуя качество проведенной на предварительном следствии работы, важны не только для ее оценки на последующих этапах судопроизводства, но и для выявления допущенных злоупотреблений. Выработка заведомо неправосудных решений происходит, вероятно, по законам, отличным от принятия ошибочных. Причины, последствия и признаки «заказных» решений, надо полагать, иные, нежели признаки просто некомпетентных и непрофессиональных. И они могут быть диагностированы, распознаны. Применительно к расследованию преступлений эту процедуру точно описал еще Ганс Гросс: «Исследовать «доказательства» и сделать из них вывод, в сущности, значит «о предшествовавшем умозаключить по последствиям и наоборот – о последствиях умозаключить по предшествовавшему» [7, с. 10]. Приня-

тие заведомо неправосудного решения в отличие от ошибочного, не бывает случайным. Его механизм, впрочем, как и возникающие при этом «следы», также подчинен определенным закономерностям. И их нужно изучать. Теоретическое обоснование тому можно найти, в том числе, и в разработках той части учения о предмете криминалистики, которая посвящена специфическим сторонам деятельности следственных, судебных и иных органов и ее закономерного отражения в материалах уголовных дел.

Уже только по этой причине механизмы отражения познавательной деятельности субъектов уголовного процесса должны быть отнесены к существенным сторонам предмета криминалистической науки. Изучение указанной группы явлений и их закономерных связей имеет и непосредственный практический смысл. Ибо только по материалам уголовного дела можно судить, каким арсеналом располагал субъект судебного исследования, какие действия были им предприняты для выяснения обстоятельств события преступления, насколько правильно и квалифицированно этот арсенал был использован следователем, дознавателем и другими участниками уголовного процесса, чтобы преступление можно было назвать раскрытым, а истину установленной. Именно ошибками в выборе познавательных средств, неправильным или неквалифицированным их применением (а порой и злым умыслом) чаще всего обусловлены претензии к собранным в ходе раскрытия и расследования преступлений доказательствам.

Сегодня, повторюсь, эта тема приобретает особую актуальность, ибо именно в материалах уголовных дел концентрируется не только положительный опыт, но и злоупотребления при раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении дел в судах. Этот аспект предмета криминалистики и есть новая, малоис-

следованная сторона его сущности. Но чтобы наши представления о задачах криминалистической науки были адекватны потребностям практики, полезно не только целенаправленно изучать эту существенную часть предмета криминалистики, но и направить усилия на разработку средств и методов для практического их использования в исследовании материалов уголовных дел¹.

Информация, содержащаяся в них, часто, однако, бывает недоступна для общественного контроля и научной оценки, поскольку в силу закона уголовные дела вправе анализировать с юридическими последствиями только уполномоченные на то лица: руководители следственных подразделений, прокуроры, суд. Отчасти защитники и адвокаты. Увы, но провозглашаемая официальными лицами идея «прозрачности» правосудия в сфере уголовного судопроизводства все еще остается лишь благим пожеланием. И поэтому за ширмой «тайны следствия» легко спрятать даже самые вопиющие нарушения закона, в основе которых лежат и некомпетентность, и коррумпированность правоохранительной и судебной системы. Легализация экспертно-правовых оценок материалов уголовных дел сведущими лицами могла бы стать одним из эффективных способов и распознавания, и профилактики таких явлений в сфере уголовного судопроизводства². Перспектива стать объектом профессиональной оценки на уровне гласных экспертно-правовых заключений, можно предполо-

¹ Практика подготовки таких заключений ведет свое начало с середины 90-х гг. [16].

² См., например: Эксархопуло А.А. Заключение специалиста по уголовному делу, рассмотренному Таганским районным судом г. Москвы, в отношении подсудимого Макарова В.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ [17, с. 328–368]. Экспертно-правовое заключение на кассационное Определение судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 29.11.2011 по уголовному делу Макарова В.В., осужденного Таганским районным судом г. Москвы 05.09.2011 за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, изменившей квалификацию содеянного на ч. 3 ст. 135 УК РФ [18, с. 287–351].

жить, способна остановить многих из тех или по иным мотивам принимать реше- следователей, прокуроров или судей, кто ния, противоречащие и закону, и справед- сегодня готов за деньги, в угоду власти ливости, и совести.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Метафизика. М., 2006.
2. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики. Саратов, 1986.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997.
4. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.
5. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1977.
6. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1978.
7. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. 4-е изд. СПб., 1908.
8. Криминалистика. Ч. 1. М., 1950.
9. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996.
10. Материалистическая диалектика. В 5 т. Т. 3. Диалектика природы и естествознания / отв. ред. В.П. Петленко. М., 1982.
11. Мостапаненко М.В. Философия и методы научного познания. Л., 1972.
12. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники. Пг., 1915.
13. Шопенгауэр А. Афоризмы и истины. М.: Эксмо-Пресс, 1999.
14. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Изд-во политической литературы, 1953.
15. Эксархопуло А.А. Предмет и система криминалистики. Проблемы развития на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2004.
16. Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб., 2005.
17. Эксархопуло А.А. Заключение специалиста по уголовному делу, рассмотренному Таганским районным судом г. Москвы, в отношении подсудимого Макарова В.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ // Библиотека криминалиста. 2012. № 1 (2).
18. Эксархопуло А.А. Экспертно-правовое заключение на кассационное Определение судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 29.11.2011 г. по уголовному делу Макарова В.В., осужденного Таганским районным судом г. Москвы 05.09.2011 г. за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, изменившей квалификацию содеянного на ч. 3 ст. 135 УК РФ // Библиотека криминалиста. 2012. № 2 (3).